

В полдень режиссёр «Песни Цзяньцзя в глубоком дворце» позвонил Су Юю. Хотя капризный директор Развлекательной компании Чжао изрядно трепал ему нервы, Чжан Цзинь старался держаться предельно почтительно:

— Директор Чжао, вы искали меня и Лао Ханя? Что-то случилось?

«Лао Ханем» он называл сценариста проекта, Хань Цзикуня.

— Есть одно дело, которое я хотел бы обсудить, — спокойно начал Су Юй. — Касается актрисы на роль третьего плана.

Он говорил ровно и бесстрастно, но на другом конце провода собеседники мгновенно напряглись. Чжан Цзиню не было и сорока, но он уже считался мэтром, известным своим бескомпромиссным подходом к качеству. Его сериалы неизменно получали высокие рейтинги и признание критиков. Он был суров в подборе актёров, дотошен в декорациях и, что важнее всего, крайне требователен к сценарию.

Предыдущая выходка Су Юя, когда тот заставил добавить в сюжет нового персонажа, уже была на грани его терпения. Режиссёр решил для себя: если директор Чжао потребует изменить чью-то роль или перекрыть экранное время, он просто бросит проект.

Но пока требование не прозвучало в лоб, Чжан Цзинь ещё надеялся на лучшее.

— Вы лично знакомы с исполнительницей этой роли? — спросил он, стараясь прощупать почву.

Вопрос прозвучал нелепо — Су Юй только недавно снимался в одной сцене с Лу Манни. Но режиссёр просто не знал, с чего начать разговор.

Су Юй не собирался ходить вокруг да около:

— Я хочу, чтобы вы пересмотрели её линию.

Последние надежды Чжан Цзиня рухнули. Он обменялся взглядом с Хань Цзикунем и уже более жёстко ответил:

— Директор Чжао, я не вижу в нынешнем сценарии никаких проблем с этой героиней. Не думаю, что там нужно что-то менять.

Су Юй на мгновение замолчал. К удивлению собеседников, он не стал давить авторитетом или требовать подчинения. Вместо этого он плавно сменил тему:

— Когда я читал сценарий, мне показалось, что в одном из ключевых моментов допущена ошибка. Хотел бы узнать ваше мнение, Режиссёр Чжан.

Режиссёр опешил. Столь резкий скачок в разговоре сбил его с толку. Подумав, что глава компании просто ищет способ сохранить лицо после отказа, он ответил:

— Ну что вы, я всегда готов выслушать. Какие у вас замечания?

— Как бы вы описали характер главной героини? — спросил Су Юй, проигнорировав вопрос.

Чжан Цзинь замялся, и инициативу перехватил сценарист:

— По задумке, она внешне мягкая, но внутри обладает железной волей. Она чётко разделяет любовь и ненависть. Я где-то допустил оплошность в её образе?

— Я тоже считаю, что она должна быть именно такой, — Су Юй откинулся на спинку кресла и вальяжно закинул ноги на стол. — Но вы помните сцену, где она теряет ребёнка?

Чжан Цзинь и Хань Цзикунь снова переглянулись, не понимая, к чему он клонит. Сценарист подтвердил:

— Это поворотный момент. Начало её «очернения» и высшая точка драмы. Мы хотели показать её путь от отчаяния и ненависти к вынужденному компромиссу и итоговому возрождению.

— Прописано это действительно ярко, — Су Юй прищурился, продолжая свою игру. — Но вот химия между главными героями в этой сцене кажется мне совершенно фальшивой. Женщина только что потеряла дитя. Она ненавидит всех соперниц в гареме, но при этом остаётся безгранично терпеливой к императору — истинному виновнику трагедии. Эта женщина вообще в своём уме?

В «Песне Цзяньцзя» главные герои на протяжении всего сюжета любили друг друга до гроба, и никакие козни злодеек не могли омрачить их союз. С точки зрения Су Юя, это выглядело как форменный абсурд.

Виноват во всех бедах героини был именно ветреный и многоликий император, но она умудрялась ворковать с ним до самых финальных титров. Даже встав на путь мести, она уничтожала только наложниц, ни на секунду не охладев к мужчине, который всё это допустил.

Логика в таких сюжетах явно отсутствовала, но Су Юй был достаточно умён, чтобы не высказывать это в лицо творцам. Иначе, несмотря на весь свой статус, он рисковал тем, что они просто бросят трубку.

— Если разделить сериал на сюжетную и романтическую линии, то одних интриг хватит для удержания внимания, но если добавить свежести и глубины в чувства героев, эффект будет куда сильнее, — рассуждал Су Юй. — Ограничивать чувства героини банальной ревностью к соперницам — значит обеднять её образ. Особенно в сцене с ребёнком. Где её смесь любви и ненависти к мужчине? Вы же просто упускаете такой мощный драматический ресурс.

Чжан Цзинь и Хань Цзикунь были людьми неглупыми. После слов Су Юя у них возникло чувство, будто с глаз спала пелена. В самом деле! Это же дворцовая драма! Помимо столкновения наложниц, тут есть место и для трагической любви между императором и его женщиной.

Огромное количество женщин и один мужчина — это же идеальный полигон для психологических баталий! Как они могли это проглядеть? Конечно, они были опытными профессионалами, но, будучи суровыми мужчинами, порой упускали тонкие нюансы женской души.

— Директор Чжао, спасибо огромное! — голос режиссёра задрожал от возбуждения. — Если бы не ваша подсказка, мы бы так и не поняли, чего не хватает.

Хань Цзикунь чувствовал то же самое — ему не терпелось немедленно сесть за правки. Но не успели они разойтись в восторгах, как Су Юй вылил на них ушат ледяной воды:

— Не стоит благодарности. В конце концов, это проект Развлекательной компании Чжао. Но что вы решили по поводу моего вопроса?

Чжан Цзинь, всё ещё пребывавший в эйфории, не сразу сообразил:

— О каком именно вопросе речь?

— О корректировке роли героини третьего плана, — Су Юй говорил спокойно и размеренно, словно рассуждал о погоде.

Наступила тишина. Эйфорию как рукой сняло. Режиссёр прекрасно понял, к чему вёл директор Чжао. Этот «обмен услугами» одновременно поразил его и поставил в неловкое положение.

Его удивляло, что Чжао Цинсун, будучи директором Развлекательной компании Чжао, не стал раздавать приказы и угрожать, а выбрал такой изящный, обходной путь. Но в то же время Чжан Цзинь колебался — стоило ли принимать это условие?

В индустрии он слыл человеком принципиальным и прямолинейным, но кто в шоу-бизнесе может позволить себе быть абсолютно честным? В итоге он начал прикидывать последствия и то, как преподнести эту новость Лу Манни.

— Режиссёр Чжан, не мучайтесь так, — раздался в трубке ироничный голос. — Я понимаю, что моя просьба не совсем этична. Если хотите отказать — дело ваше, я не обижусь.

Лицо режиссёра залилось краской. Только что он пафосно отвергал любые вмешательства, а теперь его решимость таяла на глазах. Поправив галстук, он кашлянул и постарался вернуть себе деловой тон:

— И как именно, по-вашему, стоит изменить её линию?

Слово «изменить» было крайне растяжимым. Можно добавить сцен, можно вырезать, а можно и вовсе убрать персонажа.

Поняв, что сделка практически состоялась, Су Юй лениво протянул:

— Сценарист вложил душу в этот труд, и я не хочу заставлять его переписывать всё заново. Предыдущие сцены оставьте как есть. Поменяйте только её финальный выход.

Они переглянулись. Несмотря на лёгкий тон Су Юя, они понимали: последняя сцена для этого персонажа — решающая. Это её «момент истины».

Лу Манни играла героиню взбалмошную и заносчивую. Только в редких сценах с императором в ней проглядывали черты нежной влюблённой женщины, да и те были щедро сдобрены её обычным высокомерием. Таких персонажей зрители обычно ненавидят.

Однако сценарист задумал для неё роль «трагической злодейки» — той, к кому в финале проникаешься невольной жалостью и состраданием. Вся её любовь, вся горечь её судьбы должна была раскрыться именно в последней сцене. Это был единственный шанс актрисы завоевать симпатию публики.

И именно эту сцену Чжао Цинсун требовал перечеркнуть.

Чжан Цзинь ещё мгновение колебался, но масштаб советов Су Юя по главной линии перевесил всё остальное. В конце концов, Лу Манни сама виновата — не стоило переходить дорогу человеку, которого не можешь одолеть. Зачем ему портить отношения с директором Развлекательной компании Чжао ради неё?

Режиссёр кивнул, словно отсекая лишнее:

— Хорошо. Будет сделано. Изменим.